Аристотель

Сочинения в 4 томах

Том 3

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
А81

Аристотель
А81 Сочинения в 4 томах: Том 3 / Аристотель – М.: Книга по Требованию, 2013. – 612 с.

ISBN 978-5-458-41405-0

Философское наследие

ISBN 978-5-458-41405-0

© Издание на русском языке, оформление «YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Четыре трактата Аристотеля, помещенные в настоящем томе,—«Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении» и «Метеорологика»— образуют в определенном смысле единое целое. В своде сочинений Аристотеля в том виде, в каком этот свод дошел до нас от античных редакторов аристотелевских рукописей, эти трактаты расположены в вышеуказанном порядке, занимая в каноническом берлинском издании 1831 г. 207 страниц — от 184-й до 390-й. Такое расположение отнюдь не случайно: оно соответствует замыслу самого Аристотеля, который в знаменитом начале «Метеорологики» указывает именно эту последовательность: «Мы уже говорили прежде о первопричинах природы, о всякого рода естественном движении и затем о звездах, упорядоченных в соответствии с обращением небес, о количестве, свойствах и взаимных превращениях телесных элементов, о всеобщем возникновении и уничтожении. Теперь же нам предстоит рассмотреть только ту часть этой науки, которую все до сих пор называли метеорологией» («Метеорологика» I 1, 338 a 20—26).

И затем следует перечисление тех явлений, которые предполагается рассмотреть в «Метеорологике». Закончив это перечисление, Аристотель продолжает: «Описав все это, посмотрим затем, не можем ли мы обычным нашим способом представить также исследование о животных и растениях как в целом, так и по отдельности [о каждом предмете]; и тогда мы, пожалуй, вполне завершим то изложение, которое задумали вначале» (Метеор. I 1, 339 a 5—9).

Итак, книгам о животных и растениях Аристотель предпосылает изложение общих физических принципов («первопричин природы»), а затем всей совокупности явлений, наблюдаемых в мире неорганической

природы, т. е. явлений, которые в позднейшее время стали объектом исследования таких наук, как физика, астрономия, химия, метеорология и геология. Действительно, все эти науки как в зародыше содержатся в четырех названных трактатах. Следует, однако, заметить, что при рассмотрении определенных групп явлений Аристотель не стремится к полному и исчерпывающему изложению имевшегося в его распоряжении эмпирического материала. В трактате «О Небе» мы не найдем ни описания небосвода, ни даже перечисления планет (что может удивить читателя, впервые знакомящегося с этим сочинением); а географические сведения, сообщаемые в некоторых главах «Метеорологики», служат лишь иллюстрациями к общим положениям, развиваемым автором, и отнюдь не претендуют на то, чтобы дать более или менее полное описание известной к тому времени ойкумены. Подробное изложение данных наблюдательной астрономии и описательной географии — двух наук, приобретших в IV в. до н. э. уже вполне самостоятельное значение, не входило в задачу Аристотеля. Четыре трактата, включенные в настоящий том, являются скорее курсом теоретического естествознания, а отнюдь не энциклопедией наук о неорганической природе, тем более что общие принципы, излагаемые в этих трактатах, в равной мере применимы и к миру живых существ.

Значит ли это, что «Физика», «О Небе», «О возникновении и уничтожении» и «Метеорологика» представляют собой как бы части единого сочинения, написанные последовательно одна за другой, в порядке выполнения заранее намеченного и продуманного плана? Именно таким образом исследователи прежнего времени склонны были трактовать не только эти сочинения, но и весь аристотелевский свод от «Органона» до «Риторики», за исключением, быть может, лишь нескольких небольших трактатов, принадлежность которых Аристотелю представлялась сомнительной. Весь этот свод рассматривался как целостное и более или менее законченное изложение аристотелевской системы наук, включавшей логику, естествознание, метафизику, этику, политику, поэтику и риторику,— изложение, выполненное философом на склоне лет и бывшее грандиозным завершением всей его научной деятельности. В XIX в. эта точка зрения была господствующей, ее

развивал, в частности, Э. Целлер в своей многотомной истории греческой философии [1].

Эта точка зрения была в основе своей поколеблена замечательными работами В. Йегера, появившимися в первой четверти нашего столетия [2]. Главным образом на примере «Метафизики» и этических сочинений Йегер убедительно показал, что трактаты Аристотеля отнюдь не были книгами, создававшимися сразу в том виде, в каком они до нас дошли. Их мнимое единство следует считать делом рук позднейших редакторов аристотелевского наследия. Большинство из них представляют собой соединение глав, написанных в разное время и отражающих различные этапы творческого развития философа. Этим объясняются и неоднородность их структуры, доходящая порой до хаотичности (особенно в «Метафизике»), и встречающиеся в них противоречия и повторения, неоправданные перескоки с одного сюжета на другой, и случаи совмещения в одном и том же сочинении концепций, явно исключающих друг друга. Так, например, восьмая глава двенадцатой книги «Метафизики», в которой развивается учение о множестве неподвижных первичных сущностей, приводящих в движение небесные сферы, и содержатся ссылки на космологические модели Евдокса и Каллиппа, является, по мнению Йегера, позднейшей вставкой, ибо и в предшествующих и в последующих главах той же книги говорится лишь о едином перводвигателе, первопричине и начале всякого движения. Вообще Йегер полагает, что учение о божественном перводвигателе было создано Аристотелем в сравнительно ранний период его творческого развития, еще носивший на себе следы платонизма, в то время как концепция природы (physis) как источника самодвижения и саморазвития была, по-видимому, разработана Аристотелем позднее, в результате длительных естественнонаучных изысканий.

Отдельные частные выводы, к которым приходил Йегер, были раскритикованы другими учеными и в

---

[1] *E. Zeller.* Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt, Aufl. 3. Leipzig, 1879, Teil II, 2 (Aristoteles und die alten Peripatetiker).

[2] *W. Jaeger.* Studien zur Entwicklungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles. Berlin, 1912; *Ibidem.* Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923, 1955.

настоящее время в большинстве своем не находят поддержки. Однако общие принципы его подхода к изучению литературного наследия Аристотеля получили широкое признание. До настоящего времени многие исследователи занимаются скрупулезным анализом аристотелевских сочинений, пытаясь обнаружить в них — и действительно обнаруживая — противоречия и неоднородности в целях выявления и установления хронологической последовательности различных слоев в тексте этих сочинений. В определенном отношении эта работа была полезной — прежде всего потому, что мы теперь лучше понимаем особенности структуры и текста аристотелевских трактатов. Теперь, вероятно, уже никто не станет утверждать, что дошедший до нас Corpus Aristotelicum возник строго планомерно, в порядке подведения итогов творческой деятельности Аристотеля. Но для решения фундаментального вопроса о хронологической последовательности, в какой создавались те или иные части этого свода, и, следовательно, об эволюции воззрений их автора аналитическая работа аристотелеведов дала поразительно мало. Достаточно сравнить эту ситуацию с тем, что мы знаем о хронологии диалогов Платона: каковы бы ни были отдельные неясности, все же относительную хронологию большинства этих диалогов можно считать установленной со значительной степенью надежности. В отношении сочинений Аристотеля мы еще очень далеки от такого положения.

В нашу задачу не входит разбор новейших тенденций в аристотелеведении, появление которых было в большой мере стимулировано работами Йегера. Общим моментом для этих тенденций является, пожалуй, повышенный интерес к недошедшим до нас «экзотерическим» сочинениям Аристотеля, которые были написаны еще в годы его пребывания в Платоновской академии и в большинстве своем принадлежали к жанру философского диалога. В течение III—I вв. до н. э. эти сочинения были весьма популярны; в частности, их хорошо знал Цицерон, являющийся одним из основных источников сведений о творчестве раннего Аристотеля. Все, что мы знаем об этих сочинениях, свидетельствует о том, что и по форме и по содержанию они резко отличались от трактатов, дошедших до нас в составе аристотелевского свода. Это уже само по себе загадоч-

ное обстоятельство породило много предположений и гипотез, среди которых мы отметим, как наиболее парадоксальную, гипотезу И. Цюрхера, выдвинутую им в 1952 г.[1]

Основной тезис Цюрхера состоит в том, что ряд трактатов, вошедших в Corpus Aristotelicum (включая «Метафизику»), были написаны не Аристотелем, а его учениками — Феофрастом и другими ранними представителями перипатетической школы. С этим тезисом согласуются известные нам факты многострадальной истории рукописного наследия Аристотеля. Незадолго до своей смерти (в 287 г. до н. э.) Феофраст, бывший тогда руководителем школы, составил завещание, дошедшее до нас в изложении Диогена Лаэртского. В этом документе Феофраст завещал всю библиотеку Ликея своему ученику, Нелею из Скепсия, который впоследствии перевез ее на свою родину, в Скепсий (в северо-западной части Малой Азии). После смерти Нелея в связи с общим упадком перипатетической школы библиотека оказалась в беспризорном состоянии и частично была расхищена и погибла. Оставшаяся ее часть была приобретена на рубеже II—I вв. до н. э. афинским богачом и коллекционером Апелликоном Теосским. Не исключено, впрочем, что многие рукописи из этой библиотеки могли попасть в течение III и II вв. до н. э. в Александрию и в другие места.

В 86 г. до н. э. библиотека Апелликона была захвачена в качестве военной добычи Суллой и вывезена в Рим. Там она перешла в ведение известного грамматика Андроника Родосского, который подверг ее обработке и редактированию. Не имея возможности отделить сочинения, принадлежавшие самому Аристотелю, от сочинений других перипатетиков, Андроник обозначил всю совокупность обработанных им трактатов как собрание трудов Аристотеля, и в таком виде они были переданы потомству. Таким образом, по мнению Цюрхера, Corpus Aristotelicum было бы правильнее обозначить как Corpus Scriptorum Peripateticorum Veterum. Из этого, однако, не следует, что в этом своде нет

---

[1] *J. Zürcher.* Aristoteles Werk und Geist. Paderborn, 1952.

сочинений самого Аристотеля: их только значительно меньше, чем предполагалось до сих пор[1].

Гипотеза Цюрхера вызвала оживленную дискуссию, но была решительно отвергнута большинством аристотелеведов. Так ли, однако, она нелепа, как кажется на первый взгляд? Автор появившегося недавно фундаментального труда о жизни и деятельности Аристотеля А.-Г. Хруст[2] относится к гипотезе Цюрхера с явным сочувствием и, не примыкая к ней прямо, считает ее вполне допустимой рабочей гипотезой, подлежащей дальнейшему изучению и проверке. Так, например, Хруст полагает, что период жизни Аристотеля, последовавший за его уходом из Академии, не мог быть слишком плодотворным в творческом отношении: это были беспокойные годы, связанные с частыми переездами и заботами ненаучного характера. Обычно считается, что биологические труды, входящие в состав аристотелевского свода, и прежде всего объемистая «История животных», были созданы на основе богатейших материалов, собранных Аристотелем как раз в это время — в годы его пребывания в Ассосе (около Атарнеи) и на острове Лесбос. По мнению Хруста, маловероятно, чтобы огромная работа, отраженная в этих трактатах, могла быть проведена в течение каких-нибудь 3—4 лет, тем более если учесть, что, во-первых, до этого, в Академии, Аристотель, по-видимому, не занимался биологическими исследованиями и, во-вторых, Аристотель прибыл в Атарнею с важными дипломатическими поручениями Филиппа Македонского, выполнение которых должно было отнимать у него немало времени. Все это позволяет предположить, что указанные биологические трактаты были написаны не Аристотелем, а скорее всего Феофрастом, который, согласно распределению функций среди учеников Аристотеля, специализировался как раз в области естественнонаучных изысканий. При этом, разумеется, Феофраст мог воспользоваться наблюдениями и заметками самого Аристотеля.

[1] То, что по крайней мере некоторые трактаты, включенные в свод Андроником, не принадлежат Аристотелю, было признано уже давно (напр. «О космосе», «О Ксенофане, Зеноне, Горгии», «Механика» и др.).

[2] *A. H. Chroust.* Aristotle. New light on his life and on some of his lost works, vol. 1 (Some novel interpretations of the man and his life). London, 1973.

Мы излагаем эти гипотезы не для того, чтобы выразить с ними солидарность, а для того, чтобы показать, насколько сложной и запутанной является проблема происхождения и истории текстов, входящих в Corpus Aristotelicum. На пути решения этой проблемы встает масса вопросов, на которые классическая филология нашего времени еще не может ответить сколько-нибудь удовлетворительно. Возможно, что по причине скудости источников информации, находящихся в распоряжении исследователей, многие вопросы первостепенной важности так навсегда и останутся открытыми. С учетом этого обстоятельства мы тем не менее примем как факт, что автором естественнонаучных трактатов, включенных в настоящий том, был не Феофраст и не кто-либо иной, а сам Аристотель. Этой позиции придерживается подавляющее большинство ученых-аристотелеведов, и она может быть обоснована убедительными доводами, изложение которых в данной статье заняло бы слишком много места.

Что же касается жанровых и стилистических особенностей этих трактатов, а частично и особенностей их структуры, то они объясняются самим характером трактатов. В отличие от «экзотерических» сочинений, создававшихся Аристотелем в эпоху его пребывания в Академии, естественнонаучные трактаты, вошедшие в состав аристотелевского свода, не были литературно обработанными сочинениями, предназначавшимися для широкого распространения и для продажи на книжном рынке. Это были конспекты лекций, читавшихся Аристотелем в последние годы его жизни, в Ликее, перед небольшой, но очень квалифицированной аудиторией, в составе которой были люди, впоследствии ставшие видными представителями перипатетической школы[1]. Как и всякие конспекты такого рода, эти записи, по-видимому, не воспроизводились лектором слово в слово: в одних местах они были более подробными, приближаясь к устному изложению, в других же служили лишь заметками для памяти, на основе

---

[1] Эта точка зрения развита в ряде работ выдающихся ученых нашего времени: *I. Düring*. Aristotle's De Partibus Animalium, Critical and Literary Commentaries. Göteborg, 1943; Aristote. Du ciel. Text établi et traduit par Paul Moraux. Paris, 1965, p. CLVIII—CLXII (Introduction).

которых Аристотель развивал свои рассуждения, сопровождая их пояснениями, чертежами и наглядными примерами, не нашедшими отражения в письменном тексте. Именно этим объясняется пресловутый аристотелевский лаконизм, с точки зрения неподготовленного читателя граничащий подчас с невразумительностью. При повторном чтении курса Аристотель вносил в текст конспектов исправления и дополнения, вписывая слова и целые предложения между строчками или на полях рукописи. Не исключено, что в отдельных случаях Аристотель переписывал весь текст лекции заново; именно такой повторной записью можно объяснить наличие двух вариантов первых трех глав седьмой книги «Физики».

Мы не знаем, собирался ли Аристотель подвергнуть свои конспекты окончательной литературной обработке. Во всяком случае, он не успел этого сделать. Тем не менее массе текстов, рождавшихся в процессе его лекторской деятельности, Аристотель явно пытался придать систематический характер. Об этом свидетельствует и процитированное выше начало «Метеорологики», в котором дается набросок обширного лекционного плана, и связующие фразы или даже целые главы, служащие переходами от одного курса к другому или от одной части к другой, и многочисленные отсылки к вопросам, уже изложенным ранее, а также предуведомления о том, что будет излагаться в дальнейшем. В прежнее время предпринимались попытки использовать эти указания для установления хронологической последовательности, в какой возникали те или иные тексты; ясно, однако, что подобные соединительные куски, ссылки и предуведомления Аристотель мог вставлять задним числом, в процессе систематизации накопившихся у него конспектов.

Вся эта масса текстов, литературно не обработанных и лишь частично приведенных в порядок их автором, оказалась после смерти Аристотеля в руках его преемников по школе. Несомненно, что уже тогда многие тексты начали переписываться либо самими учениками Стагирита, либо кем-то по их указанию. Можно представить себе трудности, с которыми столкнулись эти переписчики. Если снятие копий с одного и того же оригинала выполнялось независимо друг от друга, то в этих копиях неизбежно оказывались рас-

хождения, иногда довольно существенные. Как свидетельствует Симпликий, текст «Физики», которым пользовался Евдем, руководивший филиалом школы на острове Родос, отличался от текста, имевшегося у Феофраста, что привело к обмену письмами между этими учеными[1].

О судьбе рукописей Аристотеля после смерти Феофраста уже было сказано выше. В конце концов то, что осталось от библиотеки, завещанной Феофрастом Нелею из Скепсия, попало в руки Андроника Родосского. Имеются все основания полагать, что Андроник отнесся к своей задаче достаточно добросовестно и серьезно: он не вносил в текст произвольных вставок и изменений, а допускавшиеся им в отдельных случаях конъектуры были продиктованы желанием сделать текст более понятным и вразумительным. Учитывая то состояние, в котором находились привезенные Суллой рукописи, можно удивляться не тому, что, стремясь расположить листки в надлежащей последовательности, Андроник порой допускал ошибки, а скорее тому, что таких ошибок оказалось в общем не так уж много. Основное, что было внесено Андроником от себя, относилось к разбивке всей массы текстов на трактаты, к расположению этих трактатов в определенной последовательности и к приданию им надлежащих наименований. В оригинальных рукописях Аристотеля наименования отдельных курсов, по-видимому, отсутствовали, и хотя кое-где по имеющимся в тексте ссылкам можно было установить «авторские» заглавия, в других случаях заглавия трактатов возникали более или менее случайным образом. Наиболее ярким примером такого случайного заглавия может служить «Метафизика»: это была совокупность книг, названных так только потому, что они следовали «после физики» (meta ta Physika). Объединение восьми книг в один общий трактат, озаглавленный «Лекции по физике» (Physikē akroasis), также, вероятно, было делом рук позднейших редакторов, хотя само заглавие могло принадлежать самому Аристотелю. В частности, седьмая книга «Физики», по-видимому, не входила в окончательный вариант аристотелевских лекций о движении. Также случайно оказалась в составе «Метеорологики»

[1] *Simplicius*. Commentaria in Physyca 923, 8—15.

четвертая книга этого трактата: группа проблем, обсуждаемых в этой книге, имеет весьма специфический характер и составляла, как надо думать, предмет небольшого самостоятельного цикла лекций.

Наконец, как уже было отмечено выше, в оформленный Андроником свод аристотелевских сочинений попали некоторые трактаты, явно не принадлежавшие Аристотелю.

После такого общего введения перейдем к рассмотрению отдельных естественнонаучных трудов, публикуемых в настоящем томе.

«ФИЗИКА»

По сути дела, заглавием «Физика» можно было бы объединить не восемь книг, входящих в состав этого трактата, а все естественнонаучные сочинения Аристотеля, включая те из них, которые мы теперь относим к области биологии и психологии. Действительно, согласно аристотелевской классификации наук («Метафизика» VI 1), физика принадлежит к числу основных теоретических дисциплин наряду с математикой и первой философией. Отличие физики от математики состоит в том, что первая изучает предметы, существующие самостоятельно и находящиеся в движении (понимаемом в самом общем смысле), математика же занимается вещами неподвижными, но которые самостоятельно, отдельно от предметов не существуют (именно таковы числа и геометрические образы — точки, линии, поверхности и фигуры). Наконец, предметом рассмотрения «первой философии» являются вещи, существующие самостоятельно, но неподвижные — это вечные божественные сущности, о которых наиболее подробно говорится в двенадцатой книге «Метафизики» (XII 6—10).

Все естественнонаучные сочинения Аристотеля посвящены рассмотрению различных классов движущихся природных вещей, следовательно, все эти сочинения занимаются рассмотрением «физических» вопросов. Что же касается трактата, дошедшего до нас под названием «Лекций по физике», то этот трактат, как мы увидим ниже, служит как бы теоретическим введением ко всем прочим естественнонаучным сочинениям, в которых рассматриваются отдельные классы природ-